

УДК:930(470)

Дмитрий Борисович Фартусов,
аспирант,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а),
e-mail: d.fartusov@mail.ru

Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы¹

В статье рассматриваются проблемы публикации и изучения архивных документов. Проводится первичный анализ документов из Государственного архива Забайкальского края, автор обращает внимание, что данные дела хранятся в архиве в так называемых «смешанных» фондах, часто с некорректными заголовками, что затрудняет их поиск, а соответственно и исследование. Новизна исследования заключается в том, что впервые в научный оборот вводятся архивные документы, ранее не публиковавшиеся, а также проводится их первичный анализ, составной частью которого является критика исторического источника, как внешняя, так и внутренняя. На основе протоколов допроса по обвинению в участии контрреволюционной троцкистской организации, хранящихся в фондах Государственного архива Забайкальского края, делается вывод о том, что в Советском Союзе государственными органами повсеместно создавалось ощущение «осаждённой крепости», ощущения окружения врагами как внешними, так и внутренними. Особое внимание в статье уделено документу, в котором описываются бытовые условия содержания арестованных, а также пытки, которым они подвергались во время допросов. Также автор особо отмечает положительные элементы, такие, как высокая информативность документов, открытость фондов архива для исследователей и вежливое профессиональное отношение сотрудников ГАЗК.

Ключевые слова: исторический источник, политические репрессии, контрреволюция, следствие, пытки, Государственный архив Забайкалья

Вводная часть. Воссоздание исторического прошлого всегда связано с вовлечением в процесс познания новых фактических данных, почерпнутых из различных источников, в том числе архивных документов.

Формирование правового общества невозможно без систематического накопления гражданами соответствующих знаний и опыта. В этой связи особую актуальность приобретает осмысление недавнего исторического прошлого.

В общественном сознании 1937 год справедливо ассоциируется с пиком политических репрессий, широко применявшихся коммунистическим режимом после захвата власти в 1917 году и проявлявшихся так или иначе до конца существования СССР.

В результате бесчисленных арестов, депортаций, раскулачиваний и вызванных ими хаотических миграций громадных людских масс произошёл подлинный переворот в социальной структуре страны. Колоссальным был нравственный «эффект», вызванный необоснованными и малопонятными арестами. Очевидно, что на территории Забайкалья репрессивная политика прошла через те же формы и стадии, что и в других областях

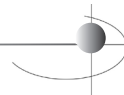
страны. Различия же могли определяться особенностями хозяйствования местного населения, занимавшегося по большей части полукочевым скотоводством, а также абсолютными масштабами человеческих потерь, в зависимости от общей численности населения, проживающего в данном регионе.

Репрессии 1937–1938 годов затронули практически все советские, партийные и государственные структуры, а также учреждения культуры и просвещения. На основе исторического источника можно проследить подробности репрессивной политики в СССР в отношении учителей.

Историография по избранной теме весьма обширна и включает довольно большое количество отечественных работ, основанных на различной по объёму и полноте документальной базе.

В связи с процессами рассекречивания и обеспечения доступа к ранее закрытым архивным документам, начавшимся в массовом порядке с начала 1990 годов, значительно расширилась источниковая база исследований. Это привело к появлению целого ряда сборников документов и монографий о репрессивной политике советского государства,

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ № 3797 «Археографические и IT методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников».

благодаря чему в научный оборот были введены важнейшие документы, отражающие мотивы и содержание репрессивной политики [8].

Все учёные-историки, изучая разные аспекты репрессивной политики, вводят в научный оборот архивные документы.

Среди наиболее выдающихся учёных стоит выделить прежде всего таких, как О. В. Хлевнюк [9], В. Н. Земсков [4], В. Б. Жиромская [2], Ю. А. Поляков [5] и др.

Работы О. В. Хлевнюка освещают организационные стороны и функции органов государственной власти, конкретные механизмы принятия решений, соотношение властных органов с политическими возможностями конкретных лиц верховной власти.

В своей монографии «Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы» (1996 г.) О. В. Хлевнюк в качестве источников использует материалы пленумов, журналов записей посетителей и протоколы заседаний Политбюро периода 1929–1938 годов [9].

Однако большая часть документов, освещающих подробности деятельности репрессивного аппарата и жилищно-бытовые условия ждут своей публикации, анализа и изучения. К этим документам относится крупный блок материалов, возникавший во время следственных действий и суда. Следственные дела в большинстве регионов Российской Федерации остаются на хранении в органах внутренних дел и Федеральной службы безопасности. Зачастую доступ к этим делам ограничен (только доказавшим своё родство с подсудимым) и максимально затруднён или невозможен для исследователей.

Все знания мы черпаем из исторических источников, поэтому особую роль приобретают архивные материалы как один из доступнейших источников [6]. По этой причине мы рассмотрим документы из фондов Государственного архива Забайкальского края, а именно протокол допроса директора школы С. Е. Черепанова¹, обвинённого в 1937 году в участии в контрреволюционной организации, и обращение на имя секретаря Читинского Обкома ВКП(б) А. С. Павлова от И. В. Шодонова, в котором описываются ужасающе жестокие пытки на допросах и бесчеловечные условия содержания в следственном изоляторе².

Результаты анализа состава и содержания представленных фондов Государствен-

ного архива Забайкальского края свидетельствуют о том, что ценность указанных фондов очевидна, так как они являются в ряде случаев единственным письменным свидетельством об истории сталинского террора и дают возможность историку существенно расширить представление о происходящих событиях. Степень читабельности и сохранности этих документов в источниковедческом плане высокая, и они могут активно использоваться в исторических исследованиях.

Методология и методы исследования. Но необходимо заметить, что представленный вид документа находится в «смешанных комплексах» вместе с документами (постановлениями, протоколами, переписками) и др. Отличительной особенностью обработки и описания документов по истории политических репрессий является то, что дела фондов расположены хаотично, не соответствуют современным архивным требованиям, заголовки не всегда отражают в полной мере содержание самих дел. Используемый корпус документальных свидетельств позволяет констатировать, что архивные материалы в значительной степени отличаются друг от друга происхождением, функциональной направленностью и степенью объективности в освещении изучаемой проблемы [1].

Принимая во внимание высокие информативные возможности архивных документов, как по характеру, так и по содержанию передаваемых сведений, их неповторимости в отражении исторических событий, необходимо отметить, что они, как и другие исторические источники, независимо от своей видовой принадлежности, должны быть подвергнуты источниковедческой критике.

Результаты исследования и их обсуждение. В этом смысле ситуация, сложившаяся в Государственном архиве Забайкальского края, разительно отличается в положительную сторону: благодаря открытости и доступности материалов, касающихся истории политических репрессий в СССР. В фондах данного архива в том числе отложились документы партийных организаций, в которые в советское время правоохранительные органы присылали копии следственных документов (протоколы допросов и обысков, протоколы судебных заседаний, переписка, характеристики, свидетельские показания). Этот массив документов доступен для исследователя, что является положительным фактором.

Первый документ, рассматриваемый нами – протокол допроса Сергея Евгеньевича Черепанова, датированный 23 декабря 1937

¹ ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 681. – Л. 134–136.

² ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 77–79.

года¹. Из документа мы узнаём, что С. Е. Черепанов, 1907 года рождения, уроженец с. Оловянная Читинской области, русский, на момент ареста являлся директором школы на ст. Бада, женат, беспартийный, не судим. Документ напечатан на бумаге формата А4 и является копией, отправленной в Читинский Обком ВКП(б) из железнодорожной милиции дороги имени Молотова. Документ отложился в фонде «Читинский Обком КПСС», в деле «Переписка о политическом состоянии, проверке коммунистов».

В документе С. Е. Черепанов делает следующее признание: «После долгого размышления я пришел к выводу о бесполезности моего сопротивления, я решил раскаться перед Советской властью в своих преступлениях, которые я совершал на протяжении нескольких лет. Я действительно состоял по день моего ареста в контрреволюционной троцкистской организации...»². Из материала допроса: «Задания, которые я получал, сводились в общем к развалу школьного воспитания, стремиться развалить дисциплину среди учительского состава, а также учеников, внедрить антисоветские убеждения среди учащихся, поощрять проступки учеников, развивать в них пороки – пьянство курение, хулиганство, воровство, глушить всякую инициативу»³. Кроме того, директор школы обвинялся в попытке отравить отличников учёбы с помощью конфет, начинённых медным купоросом.

Рассмотрев данный документ, можно сделать следующий вывод. В Советском Союзе государственными органами повсеместно создавалось ощущение «осаждённой крепости», ощущение окружения врагами, как внешними, так и внутренними. «Заговор», раскрытый милицией ст. Бада Читинской области, чудовищен по своему масштабу и замыслу: директору школы приписывают организацию отравления 30 детей – отличников учёбы. Естественно, что такие масштабы могут вызывать только страх и гнев среди общественности, а когда люди напуганы, их легко сплотить вокруг лидера, который выступает их защитником и который показывает, на кого следует направить «праведный» гнев (внутренние и внешние враги). В то же время никаких вещественных доказательств, кроме признания, данного после «долгих раздумий» в следственном изоляторе, у следователя нет. В деле утверждается, что уже были гото-

вы конфеты, начинённые медным купоросом, но они не приобщены к делу, не проведена экспертиза, более того, эти конфеты, кроме показаний обвиняемого, больше нигде не упоминаются.

Второй документ – это обращение И. В. Шодонова, жителя Улан-Удэ, БМАССР, на имя А. С. Павлова – секретаря Читинского обкома ВКП(б), с жалобой на неправомерные действия отдельных сотрудников НКВД, датированное 6 января 1940 года⁴. Документ напечатан на бумаге формата А4 машинописным способом, отложился в фонде «Читинский Обком КПСС», в деле «Жалобы и справки от арестованных и осуждённых по 58 статье», имеет перечёркнутый простым карандашом гриф «Секретно».

В обращении к секретарю Читинского Обкома ВКП(б) А. С. Шодонов описывает бытовые условия содержания арестованных, а также пытки, которым подвергался во время допросов: «...камера № 8 (одиночка) сидело нас 24 человека, многим приходилось стоять на ногах так как вмещаться было некуда, сидели нагишом, жара невыносимая»⁵. После допроса А. С. Шодонов так описывает своё состояние: «...в камере 5 дней лежал без сознания, после чего пришел в сознание, моча была исключительно кровавая, ноги опухшие, тело в синяках, руки опухшие от кандалов...»⁶. Из документа видно, что арестованный до последнего верил в то, что добыча «добровольных» показаний путём применения физического воздействия – не государственная политика, одобренная И. В. Сталиным и другими высшими чиновниками Советского Союза, а вредительство фашистских шпионов и врагов народа, проникших в органы госбезопасности: «...я считал в это время и сейчас, что это работала фашистская контрразведка... которые являлись наемной шкурой фашизма»⁷. В этом обращении видно, что подследственный путает термины: разведка и контрразведка.

До настоящего времени представленные документы в периодической печати не публиковались.

Заключение. Таким образом, рассмотрев документы Государственного архива Забайкальского края по теме политических репрессий, можно сказать следующее. В фондах данного архива хранится чрезвычайно большой массив ранее неопубликованных источников,

¹ ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 681. – Л. 77.

² Там же.

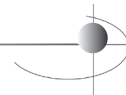
³ Там же. – Л. 78.

⁴ ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 681. – Л. 134–136.

⁵ Там же. – Л. 135.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – Л. 136.

касающихся политических репрессий. Эти документы находятся в «смешанных комплексах», располагаются хаотично, заголовки не всегда в полной мере отражают содержание самих дел, иногда некорректно проставлена нумерация листов, устарели или отсутствуют

предисловия. Все эти мелкие недостатки с лихвой окупаются информативностью хранящихся документов, степенью доступности для исследователя дел и вежливым, высокопрофессиональным обращением сотрудников Государственного архива Забайкальского края.

Список литературы

1. Васильева С. В., Минаева В. Ю. Источники по истории иностранной интервенции в Забайкалье (1918–1921 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 78–81.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов / ред. В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
3. Евтехов Р. А., Малыгина О. А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского государственного университета. Сер. История. 2016. № 3. С. 22–31.
4. Земсков В. И. О масштабах политических репрессий в СССР: Сквозь дебри спекуляций, извращений и мистификаций // Мир и политика. 2009. № 6. С. 89–105.
5. Население России в XX в.: исторические очерки: в 3 т. / ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.; 2001. Т. 2. 416 с.; 2012. Т. 3. 369 с.
6. Фартусов Д. Б. Вклад коллектива учёных исторического факультета БГУ в изучение репрессий в БМАССР в 1920–1950-е гг. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Т. 2. С. 64–68.
7. Фартусов Д. Б. Политические репрессии в СССР граждан Монголии и Китая на территории БМАССР // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. Вып. 1. С. 72–77.
8. Фартусов Д. Б. Репрессивная политика в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 43–47.
9. Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.

Статья поступила в редакцию 08.12.2016; принята к публикации 25.01.2017

Библиографическое описание статьи

Фартусов Д. Б. Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 28–32.

Dmitry B. Fartusov,
Postgraduate Student,
Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: d.fartusov@mail.ru

Documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory on Political Repression in the 1930s¹

The article deals with the problem of the publication and study of archival documents. Documents from the State Archives of the Trans-Baikal Territory are initially analyzed, the author points out that the data files are kept in the archives in the so-called “mixed” funds, often with no valid titles, that makes it difficult to find them and to study. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the author introduces archival documents which have not been previously published and analyzes them, part of this study is historical sources criticism which is both external and internal. Based on the interrogation protocols on charges of involvement into counterrevolutionary Trotskyist organization held in the State Archives of the Trans-Baikal Territory, we conclude that in the Soviet Union, governmental authorities everywhere created a sense of “besieged fortress”, a feeling of being surrounded by both external and internal enemies. Special attention is given to the document, which describes the living conditions of the arrested people and tortures they were subjected to during interrogation. The author emphasizes the positive elements such as high information value, openness of the archive funds for researchers and friendly professional attitude of the employees at the State archives of the Trans-Baikal Territory.

Keywords: historical source, political repression, counterrevolution, investigation, torture, State Archive of the Trans-Baikal Territory

¹ The work was performed as part of the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. 3797 “Archeographic and IT methods in studies of private archives of the Baikal region: the creation of digital collections of historical sources”.

References

10. Vasil'eva S. V., Minaeva V. Yu. Istochniki po istorii inostranoi interventsii v Zabaikal'e (1918–1921 gg.) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7. S. 78–81.
11. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi: sb. dokumentov i materialov / red. V. B. Zhiromskaya. M.: ROSSPEN, 2007. 320 s.
12. Evtexov R. A., Malygina O. A. Gorodskaya politsiya v sisteme gosudarstvennykh institutov upravleniya Zabaikal'skoi oblast'yu v XVIII – nachale XX veka // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. 2016. № 3. S. 22–31.
13. Zemskov V. I. O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR: Skvoz' debri spekulyatsii, izvrashchenii i mistifikatsii // Mir i politika. 2009. № 6. S. 89–105.
14. Naselenie Rossii v XX v.: istoricheskie ocherki: v 3 t. / red. Yu. A. Polyakov, V. B. Zhiromskaya. M.: ROSSPEN, 2000. T. 1. 463 s.; 2001. T. 2. 416 s.; 2012. T. 3. 369 s.
15. Fartusov D. B. Vklad kollektiva uchenykh istoricheskogo fakul'teta BGU v izuchenie repressii v BMASSR V 1920–1950-e gg. // Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii. 2016. T. 2. S. 64–68.
16. Fartusov D. B. Politicheskie repressii v SSSR grazhdan Mongolii i Kitaya na territorii BMASSR // Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii. 2015. Vyp. 1. S. 72–77.
17. Fartusov D. B. Repressivnaya politika v Buryat-Mongol'skoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 7. S. 43–47.
18. Khlevnyuk O. V. Politbyuro: mekhanizm politicheskoi vlasti v 1930-e gody. M.: ROSSPEN, 1996. 304 s.

Received: December 08, 2016; accepted for publication January 25, 2017

Reference to the article

Fartusov D. B. Documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory on Political Repression in the 1930s // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 28–32.